

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Владимирская Свято-Феофановская православная духовная семинария
города Владимира Владимирской епархии
Русской Православной Церкви»

Кафедра церковно-исторических и церковно-практических дисциплин

ИСТОРИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Выпускная квалификационная работа
Студента V курса бакалавриата ВДС
Белякова Алексея Сергеевича

Работа завершена:

“ ___ ” _____ 2020 г. _____ (Беляков А.С.)

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

“ ___ ” _____ 2020 г. _____ (к.и.н., Федотова М. Я.)

Заведующий кафедрой

“ ___ ” _____ 2020 г. _____ (к.и.н., Макарова Д.Ю.)

Проректор по научно-богословской работе

“ ___ ” _____ 2020 г. _____ (к.и.н., Федотова М.Я.)

Владимир 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СУЗДАЛЬСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ: КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ.....	7
1.1 История создания Суздальской духовной семинарии	7
1.2 Условия материального обеспечения	122
ГЛАВА 2. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИЕЙ.....	15
2.1 Принципы управления духовной семинарией в историческом генезисе.....	15
2.2 Роль префектов в системе управления семинарией	21
2.3 Анализ преподавательского состава семинарии	27
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В СУЗДАЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.....	36
3.1 Исследование учебного дела	36
3.2 Библиотека как лучшее подспорье учебного дела семинарии.....	45
3.3 Анализ воспитательной части как составляющей учебного процесса...	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	58

ВВЕДЕНИЕ

Город Суздаль с прилегающими к нему уездами, как известно, в XVIII входил в состав не Владимирской епархии, а образовал особую епархию, называвшуюся по его имени Суздальской.

Еще в силу указов Петра Великого епархиальные архиереи обязаны были позаботиться об учреждении в главных городах своих епархий духовных школ, называемых «семинариумами», где бы обучались дети священно-церковнослужителей «в надежду священства». Указы об открытии епархиальных семинарий повторялись в царствование императриц Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, и с ними епархиальным архиереям приходилось считаться [6,7,8]. В силу предписаний высшей власти в первой половине XVIII века была открыта семинария и в Суздале, просуществовавшая самостоятельно до 1788 года, когда с соединением трех епархий в одну слилась с семинариями Владимирской и Переславской.

О Суздальской семинарии до настоящего времени имеется мало сведений. Опубликовано всего лишь два документа: один – из архива Владимирской духовной семинарии напечатан К.Ф. Надеждиным в 1874 году (Владимирские Епархиальные Ведомости, 1874 г., № 20) и другой – из Синодального архива издан Н.В. Малицким в 1899 году (Владимирские Епархиальные Ведомости, 1899 г., № 15). Все остальное, что писалось о Суздальской семинарии, составлялось главным образом на основании этих источников. [31, с.34].

Положение дела улучшилось после того, как архив Суздальской консистории был перевезен из Суздаля во Владимир. При ближайшем ознакомлении с содержанием этого архива оказалось, что на основании его открывается полная возможность составить подробную историю Суздальской семинарии.

Н.В. Малицкий указывал, что из трех семинарий, существовавших в XVIII веке на территории нынешней Владимирской епархии, Суздальская

духовная семинария получила свое начало раньше других. Она была открыта в 1723 году при епископе Суздальском и Юрьевском Варлааме Леницком в силу присланного в ноябре месяце этого года из Святейшего Синода указа [31, с. 72].

Актуальность темы истории Суздальской семинарии как составляющей российского духовного образования заключается в том, что на протяжении последнего десятилетия разворачивается достаточно острая научная полемика относительно выбора наиболее эффективных направлений развития новейшей российской духовной школы. При этом отметим практическую ценность исторического опыта. В научной литературе категория «духовное образование» имеет большое количество трактовок и определений, что обуславливает определенную размытость этого термина, который нуждается в дополнительном исследовании и уточнении. Отметим, что в рамках данной выпускной квалификационной работы под категорией «духовное образование» будет подразумеваться система воспитательной, образовательной и нравственной подготовки будущих церковнослужителей и священнослужителей, которая проводится в духовных школах. В отношении духовных семинарий можно отметить, что Суздальская семинария на протяжении всего периода своего существования являлась одним из важнейших звеньев системы российского духовного образования, поскольку в ней прошли подготовку большое количество приходских священников и духовенства.

Степень изученности. Главными исследованиями по истории Суздальской духовной семинарии выступают научные труды А.А. Ковзуна и П.И. Хотеева. Фундаментальные исследования Суздальской духовной семинарии были осуществлены Н.В. Малицким [31, с.77].

Источники мемуарного характера являются отдельным блоком исследования по проблематике данной выпускной квалификационной работы.

Объект данной выпускной квалификационной работы – исследование исторических сведений о педагогах Суздальской духовной семинарии, образовательном и воспитательном процессе, проблемах и жизни семинаристов.

Предмет воспитательный, педагогический и духовный образовательный процесс в Суздальской духовной семинарии.

Цель данной выпускной квалификационной работы – сбор и классификация сохранившихся ценнейших исторических сведений и биографических данных, которые имеются в отношении преподавателей и воспитанников Суздальской духовной семинарии на протяжении всего периода ее существования.

В рамках решения поставленной цели, был определен ряд следующих задач:

- предоставить краткие исторические сведения о Суздальской духовной семинарии;
- проанализировать принципы финансирования и материального обеспечения семинарии;
- провести исследование принципов управления духовной семинарией в историческом генезисе;
- изучить роль префектов в системе управления семинарией;
- провести анализ преподавательского состава семинарии;
- осуществить исследование начал учебного дела;
- охарактеризовать библиотечные фонды семинарии в историческом разрезе;
- провести детальный анализ воспитательного процесса в Суздальской духовной семинарии.

Методологической и теоретической базой исследования в данной выпускной квалификационной работе служит совокупность принципов, выработанных в сфере исторической науки. А именно - принцип историзма, объективизма, диалектического единства исторического и логического, а

также применение сравнительно-исторического и аналитико-синтетического принципов и системности. Системный метод предполагает рассмотрение изучаемой проблемы как целостного явления, анализа фактов во всей их совокупности и взаимосвязи.

Методы научного исследования: общие научные (аналитико-синтетический, компаративный, сравнения, аналогии, дедукции и индукции, абстрагирования) и узкоспециальные (сравнительно-исторический и полифункциональный).

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что материалы данной выпускной квалификационной работы могут быть использованы при преподавании истории развития духовного образования в России, истории религии.

Структура работа включает в себя введение, основную часть, заключение и список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. СУЗДАЛЬСКАЯ ДУХОВАННАЯ СЕМИНАРИЯ: КРАТКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1.1 История создания Суздальской духовной семинарии и финансирование духовного центра

Учрежденная в конце 1723 года в Суздальском архиерейском доме семинария просуществовала всего 3 года. К этому времени число учеников достигало 109 человек. Обучение не шло дальше грамматики. В 1726 году в Суздале был неурожай, из-за того, что не удалось собрать с церковью и монастырем положенного на пропитание семинаристов хлеба, пришлось отпустить учеников по домам. Отпуск состоялся в октябре. 30 октября послано было доношение об отпуске в Святейший Синод.

В 1736 году по распоряжению Афанасия – епископа Суздальского – семинария снова была открыта в составе 40 учеников. В 1736 году и следующем шло обучение букварям, а в конце 1737 года пришлось вторично нарушить занятия и отпустить учеников в дома их родителей. Причина отпуска была та же, что и в 1726 году.

Синодальным указом от 24 марта 1740 года Симону – епископу Суздальскому велено было – позаботиться об открытии вновь в своей епархии семинарии. В том же 1740 году для заведения ее из Святейшего Синода был прислан иеромонах Киево-Печерского монастыря Иустин Илляшевич, который 16 апреля 1740 года и начал свои занятия. Школа размещалась в Спасо-Евфимиевом монастыре.

Но и в этот раз не удалось организовать жизнь заведения на прочных началах и обеспечить его дальнейшее существование. В начале 1744 года иеромонах Иустин, согласно его просьбе, был уволен, и 7 февраля того же года оставил Суздальскую школу. За неимением в Суздале учителя, семинария еще раз была упразднена.

В Синодальном архиве хранится доклад Суздальского казенного приказа от 9 февраля 1744 года [4, с.177]. Доклад этот касается количества учеников Суздальской семинарии, их возраста, успехов, отношения к школьному обучению. На основании его можно составить некоторое представление о Суздальской школе времён иеромонаха Иустина. Из него видно, что в начале 1744 года в Суздальской семинарии обучалось всего 28 человек. Из них 7 обучалось в пиитическом классе. Эти семь человек, вероятно, были питомцы прежней Суздальской школы, закрытой в 1737 году, так как сложно допустить, чтобы за 3-4 года они достигли пиитического класса при тех условиях, в какие была поставлена тогда Суздальская семинария. В синтаксисе обучалось тогда 4 человека, в грамматике – 6, инфиме – 3, фаре – 4, а четверо лишь готовились приняться за букварь [30, с.34].

Набор новых учеников шел туго, а набранные оставляли семинарию, не достигнув высших классов. В течение трех лет из семинарии выбыло 18 человек, из которых 10 были отправлены в дома родителей «за непонятностью», шесть сбежали самовольно и не были найдены, один «за скорбью» отпущен в дом отца и один «отпущен по делу за некоторым подозрением».

Как бы то ни было, в начале 1744 года и эта школа перестала существовать. Перерыв в учении продолжался на этот раз целых 11 лет.

В 1755 году епископом Суздальским Порфирием (Крайским) произведен был новый набор учеников, «дабы возстановить оное упавшее совсем училище». Набор не оправдал ожиданий, и число учеников восстановленной семинарии на первых порах было очень незначительно. Принимая во внимание ограниченность состава учащихся, и желая иметь непосредственный надзор над учениками епископ Порфирий отвел место училищу не в Спасо-Евфимиевом монастыре, где оно было раньше, а в своем архиерейском доме.

К 1762 году некоторые из учеников этой архиерейской школы достигли философских наук. Общее количество учащихся значительно возросло; потребовалось разделить их на классы и вместе с тем увеличить комплект учащихся. Архиерейский дом становился для духовной школы и тесным, и неудобным.

В 1762 году Геннадий (Драницын) – епископ Суздальский – по вступлении на Суздальскую кафедру (был назначен епископом Суздальским 13 декабря 1761 года) задумал перевести семинарию на ее прежнее место. Сославшись на 19 пункт об училищах Духовного Регламента, где повелевалось устроить семинарию не в городе, но в стороне, где нет народного шума, Геннадий потребовал осмотреть прежде бывшие семинарские покои, описать их и возобновить ветхости, если таковые окажутся.

При осмотре помещений прежде бывшей семинарии в Спасо-Евфимиевом монастыре, члены консистории нашли 11 покоев за соборной церковью. Покои эти, по расчету членов консистории, могли вместить, кроме ректора и учителей, около полутора ста семинаристов. Все покои оказались ветхими. Вот что, например, доносили члены консистории о двух покоях, расположенных с левой стороны от входа в сени: «в них по четыре чулана брусчатых, на обе стороны по пяти окон, а оконниц, печей и лавок не имеется; потолок деревянный ветхий, пол кирпичный в худости. В оный покой и на огород из сеней дверь, а вверху лестницы нет, да из монастыря в те сени дверь неспособна».

В своем докладе епископу Геннадию консистория предлагала несколько строений возвести вновь (погреб, кухню, трапезу), другие – переделать и худости все исправить. Ремонт помещений предлагалось сдать с торгов «охочим людям, для чего постановлено в ближайшие торговые дни на Суздальской площади сделать публикацию с барабанным боем».

В течение трех торговых дней Суздальская площадь оглашалась барабанным боем, но принять подряд на ремонт семинарских зданий

желающих не нашлось, вследствие чего в 1762 году переход семинарии из архиерейского дома в Спасо-Евфимиев монастырь не состоялся.

Только в следующем году 1 сентября появилась возможность открыть занятия на более просторном и удобном месте [3, с.707]. Тогда же в Суздальской духовной семинарии начались учебные занятия, организованные применительно к порядкам, существовавшим в других местах.

До 1765 года Суздальская семинария, как и другие, содержалась в счет денежных и хлебных сборов со священно-церковно-служителей, в размере 1/20 доли с монастырей и 1/30 – с церковью. Сборы эти, несомненно, носили такой же принудительный характер и вызывали столько же решительных протестов, как и во Владимирской семинарии. Суздальский архив не сохранил на этот счет каких-нибудь обстоятельных сведений; но сам факт двукратного закрытия школы из-за того, что указанные доли хлеба со священно-церковно-служителей не были собраны говорит достаточно за то, что такой источник обеспечения училища был в высшей степени неустойчив и ненадежен.

Хлебные и денежные взносы стали взиматься с большей настойчивостью и поступать более правильно со времени епископа Порфирия и его преемников [45, с.103].

Для заведывания экономической частью назначено было епископом Геннадием особое лицо с именем комиссара. Функции и права комиссара совпадали с правами эконома. С разрешения начальника школы, он расходовал семинарские суммы, распоряжался служителями, смотрел за сохранностью и целостностью семинарского имущества и прочее. Более частным образом обязанности комиссара сводились к следующему:

1. Он заведовал выдачей жалованья преподавателям. На основании распоряжения епископа Геннадия от 3 сентября 1763 года жалование должно было производиться в таких размерах. Префекту и учителю философии, который во время правил и ректорскую должность, положено было выдавать

в год по 120 рублей. сверх этого жалованья, на покупку мяса, рыбы и прочего было велено производить ему каждую треть года по 10 рублей.

Кроме префекта в начале 1763 года числилось в Суздальской семинарии два информатора. Первому епископ Геннадий велел выдавать по 17 рублей в год, а второму – по 15 рублей. Кормовые полагались те же, что и префекту. Кроме квартиры и съестных припасов, преподавательский персонал в 1763 году получил, таким образом, 242 рубля. Если принять во внимание расценки второй половины XVIII столетия и дешевизну жизни, то нужно признать, что обеспечение преподавателей, особенно префекта, было сравнительно достаточно.

2. Комиссар ведал содержанием казеннокоштных учеников – учащихся, которые обучались и содержавшихся полностью за счёт церковных средств, на «казённый кошт» (от польск. koszt – содержание, расход). До 1763 года на пропитание всех казеннокоштных воспитанников, кроме хлеба и кваса, отпускалось ежедневно в постные дни по 2 копейки и в скоромные – на мясо по 5 копеек. По словам епископа Геннадия, сумма эта была не вполне достаточна, и скудость пропитания вызывала неудовольствие. Преосвященный Геннадий велел ново назначенному комиссару содержать на казенном коште не более 50 учеников и на пищу им производить в постные дни по 10 копеек, в скоромные – по 20 копеек, в двенадцатые праздники и прочие высокаторжественные дни – по 25 копеек.

3. Комиссару принадлежал и надзор над истопниками, «дабы они в те печи клали дрова со всякою осмотрительностью и бережливостью и от их небрежения не могло последовать печам повреждения»; за поварами, чтобы они готовили все чисто и исправно, и за семинаристами во время стола, чтобы те соблюдали благоприличный порядок. Остатки от стола комиссар обязан был хранить до вечера, а от вечерней трапезы – до другого дня.

4. Комиссару поручался, наконец, надзор за казенными столами, скамьями, окнами, дверями и прочим казенным имуществом. О виновных в повреждении всех этих вещей комиссар должен был доносить немедленно

префекту; самому же ему запрещалось иметь над учениками управу [3, с.811].

1.2 Условия материального обеспечения

Как учителя, так и ученики получали полноценное жалование лишь при том условии, что они безотлучно пребывали в семинарии. В случае отлучки, бегов, они подвергались соответствующему вычету. Такой вычет, являясь средством к поддержанию семинарского баланса, в тоже время служил некоторой дисциплинарной, карательной мерою за игнорирование учебными обязанностями. Так, префект семинарии Семен Быстрицкий 7 марта 1771 года был отправлен в Суздальскую провинциальную канцелярию для следствия по корчемному делу и оставался там до конца мая. За первую треть жалование им получено лишь по 7 марта. Вычету подверглись в эту треть и все ученики, не явившиеся в срок из каникулярного отпуска и учинившие побег. За каждый прогульный день с них вычиталось по 5 денег. Удержанные деньги, из которых составлялась в некоторые годы порядочная сумма, шли на семинарские расходы, а иногда раздавались в вознаграждение сверх штатного жалования обучающимся прилежно и безотлучно.

Кроме жалования, как учителя, так и ученики со времени перехода семинарии на штатные суммы пользовались некоторыми вспомогательными источниками доходов. Учителя, состоявшие в монашеском звании, числились обычно в штате Спасо-Евфимиева монастыря и пользовались от обители квартирой и монашеской порцией. До 1766 года информаторы семинарии принимали экзамен у ставленников в дьячки и пономари и пользовались за это соответствующим ставленническим доходом. С 1766 года эти экзамены и доходы были переданы в ведение старших учеников семинарии, изучающих богословие. Наконец, как и учителям, так и ученикам утверждались священно-церковно-служительские места [2, с.1150]. Например, в 1769 году в Суздальской семинарии числилось 164 ученика; из них 15 человек пользовались дьячковским доходом, а 22 – пономарским.

Следует отметить, что во Владимирской семинарии при епископе Иерониме была точно нормирована плата, которую обязывались вносить на содержание ученика лица, замещающие утвержденное за ним место. В Суздале этого мы не видим. Плата, вносимая ученику с места, определялась каждый раз по взаимосоглашению между ним и его заместителем. Такой порядок давал повод ко всяким злоупотреблениям, и архив Суздальской консистории 1760-80-х годов наполнен делами по жалобам учеников на священно-церковно-служителей, утаивавших или удерживавших церковные доходы.

Жалование как учителям, так и ученикам выдавалось по окончании трети. В исключительных случаях положенный денежный оклад производился и авансом [45, с. 104]. Условия материального обеспечения Суздальской семинарии несколько изменились в 1784 году. С 1 января штатная сумма была увеличена более чем в 2 раза. Но это не отразилось особенно резко на денежных окладах, которые получали начальствующие и преподаватели семинарии. Цифра их жалования повысилась незначительно. Так в 1786 году, например, ректор семинарии Гервасий получил жалованья 100 рублей, префект и учитель философии – 140 рублей, учитель риторики и французского языка – 130 рублей, поэзии и синтаксиса – 70 рублей, грамматики и греческого языка – 70 рублей и учитель пения – 30 рублей.

Но, с другой стороны, мало улучшилось материальное положение отдельных лиц и из числа учащихся. В 1784 году Преосвященный Тихон издал указ, который начинался следующими словами: «Рассуждая о семинарии нашей семинаристов пользе и в учении успехе по причине, что при нынешнем разборе и экзамене из них многие оказались неисправными, думаю, не потому сие произошло, чтобы они были неспособными, но потому, что они способных мест к учению не имели и время напрасно теряли безо всякого призрения». Переходя к более частному обсуждению причин неуспеваемости учеников, Преосвященный Тихон в числе их указывает на то обстоятельство, что «ученики стояли на постоянных дворах в одной с

хозяином и его домашними избе, куда и проезжающие и торговые люди квартировать въезжают, где им место и способности к обучению урокам вовсе не оставалось» [33, с.272]. В силу сего Преосвященный Тихон определил, чтобы «впредь все семинаристы, на своем и государственном коште обучающиеся, жительство имели при семинарии в монастыре в бурсе, а пищу и питье получали бы от трактирщиков, которые могут и сами приносить нужнопотребное, если того всего, то есть пищи и квасу, в бурсе готовить невозможно». Выход учеников из бурсы епископ Тихон обставил большими стеснениями: «Не отпускать их из монастыря, говорилось в указе, без учителя или надежного пристава никуда, а к Троице на берег, на Ивановское и на другие соблазнительные места и ни под каким видом, ибо примечены от многих там бывающие и пьянствующие».

Таким образом, ко времени повышения штатного оклада все семинаристы должны были оставить частные квартиры и переселиться в помещение Спасо-Евфимиева монастыря. С переполнением монастырских зданий семинарскими жильцами естественно потребовалось увеличить сумму, отпускающуюся до сих пор на ремонт помещений. А затем сам собою возник вопрос об увеличении числа тех лиц, которые пользовались семинарским жалованьем. После того, как все семинаристы были собраны и поселились в семинарском дворе, их нужды бросались в глаза семинарскому начальству с большей силою и понуждали его расширить круг лиц, им помогающим. И действительно, в 1786 году цифра казеннокоштных с 50 человек возрастает до 100. В следующем – поднимается еще выше. В 1786 году жалованье ученикам колебалось между 10 и 3 рублями в год. Более заметным образом сказалось повышение штатного оклада на положение семинарской библиотеки. До 1784 года книг в семинарскую библиотеку приобреталось очень мало, в основном – учебники. Наконец, с 1784 года в приходорасходных книгах встречается упоминание о таких предметах, которые, хотя и нельзя назвать предметами роскоши, но которые, тем не менее, совершенно не приобретались после 1767 года – сальные свечи.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СУЗДАЛЬСКОЙ ДУХОВАННОЙ СЕМИНАРИЕЙ

2.1 Принципа управления духовной семинарией в историческом генезисе

Суздальская духовная семинария, как и другие семинарии второй половины XVIII века, находилась в ведении епархиального архиерея. По его воле она открывалась и закрывалась; все дела ее решались им лично или через консисторию, которая являлась посредствующей инстанцией в его сношениях с семинарией. Суздальские архиереи назначали по своему усмотрению, выбору и начальствующим семинарии, точно определяя в нужных случаях их права и обязанности.

Суздальская семинария на протяжении всего периода своего существования находилась в зависимости и направлялась в течение своей учебно-воспитательной жизни главным образом двумя архиереями: епископами Геннадием (Дряницыным) (1761-1775) и Тихоном (Якубовским) (1775-1786). Оба они с особой участливостью относились к интересам своей школы. Такая внимательность к семинарской жизни отчасти вызывалась и поддерживалась недостаточно корректным поведением начальников семинарии, с которыми Суздальским владыкам пришлось иметь много хлопот и от которых они перенесли немало огорчений [33, с.96].

Первым начальником Суздальской семинарии после Иустина (Илляшевича), выход которого из семинарии в 1744 году сопровождался ее временным закрытием, был иеромонах Дмитрий (Грозинский). Фактически им была организована жизнь Суздальской школы по учреждению ее в 1755 году, а сама школа доведена до высших классов. 15 июля 1759 года иеромонах Дмитрий был произведен в игумены Спасо-Кукоцкого монастыря и в том же году указом Святейшего Синода был назначен проповедником в Московскую славяно-греко-латинскую академию [34, с.58].

Так как с уходом отца Дмитрия семинарии грозило новое закрытие, то его удержали до февраля 1760 года, в надежде, что к этому времени появится

в Суздале учитель, способный обучать учеников риторике. В феврале отец Дмитрий был отпущен в Москву, но вскоре вернулся и продолжил свою созидательную деятельность в семинарии [30, с.52].

23 апреля 1762 года Преосвященный Геннадий, возводя игумена Дмитрия в архимандриты Николо-Шартомского монастыря, отзывался о нем в самых лестных словах: «А как довольно нами усмотрено, что находящийся при доме нашем пречестный игумен Дмитрий по призыве его еще антецессором (предшественником) нашим Преосвященным Порфирием – епископом Суздальским – сначала самого в семинарии учения с 1755 года в преподавании оного даже по сие время полагал непрерывные с превеликим учащих во учениях успехах труды, ибо от самого низшего класса грамматического начал обучать семинаристов, довел их даже до высокой науки философической; того ради за благо судили мы произвести его в реченный Николаевский Шартомский монастырь в архимандрита...».

В декабре того же года архимандрит Димитрий был назначен настоятелем Юрьевского Архангельского монастыря, а в сентябре следующего года по прошению освобожден от обязанностей ректора семинарии. «Понеже Архангельского, что в Юрьеве, монастыря архимандрит и домовый нашей семинарии ректор, – писал епископ Геннадий, – в учительстве, обучении и присмотре разных школ не мало потрудился, почему и оные его многолетние труды в свое возмездие совершенно того достойны, чтобы предписанному труднику дать заслуженное отдохновение и успокоение от тех школьных трудов; чего ради оного архимандрита как от учительства, так и от правления семинарии уволить, а вместо его определить префекта Николая Субботинского как к преподаванию философии, так и к правлению все семинариею нашей, коему между прочим продолжать и преподавание риторики впредь до рассмотрения, а наипаче до прибытия из Московской академии учителя иеродьякона Гедеона (этот иеродьякон Гедеон в Суздаль так и не прибыл)». В жалованье новому ректору положено было по

120 рублей, да сверх того по 10 рублей в каждую треть на мясо и рыбу и достаточный съестной трапезы [33, с.116].

Николай Андреевич Субботинский – второй начальник Суздальской семинарии был уроженец Владимирской епархии и обучался во Владимирской духовной семинарии. В 1759 году он отправлен был из Владимира в Троицко-Лаврскую школу и, по окончании там богословского курса, в сентябре 1761 года занял место учителя в родной Владимирской семинарии.

Пребывание во Владимире Н. Субботинского было недолговременным и оставило у него неприятные воспоминания. С первых же шагов своей деятельности молодому учителю пришлось вступить в борьбу с влиятельным протопопом Андреем Стефановым, тратившим в соучастии с консисторскими приказными семинарскую казну и державшим учеников впроголодь. Столкновение вышло для Н. Субботинского неудачным. Архиепископ Антоний (грузин по происхождению) держал сторону Стефанова и перевел Субботинского за противодействие протопопу в учителя низших классов [43, с.90].

Добровольно ли, по принуждению ли, но Н. Субботинский вследствие этого столкновения оставил Владимирскую духовную семинарию и с одобрительным отпускным аттестатом, который дал ему на прощание архиепископ Антоний, обратился к Преосвященному Геннадию с просьбой об определении его учителем Суздальской школы. Епископ Геннадий принял Н. Субботинского очень радушно. Резолюцией от 2 декабря 1762 года он дал в его заведывание школу риторики и назначил в год по 100 рублей, то есть на 50 рублей больше того, что он получал во Владимире. 14 марта следующего года Субботинский был определен префектом семинарии, а с уходом архимандрита Димитрия, ему вверено было правление всей семинарией.

Но Н. Субботинский не оправдал возлагавшихся на него надежд. В его учительство и управление семинарией Суздальская школа сделалась ареной всякого рода бесчинств, дебошей и неустройств, по своему характеру близко

напоминающих то, что творилось на первых порах во Владимирской семинарии. Пройдя школу при порядках и условиях, которые являются маловероятными в школьном деле, он и здесь в Суздале, сделавшись сначала учителем, а потом и начальником, постарался воспроизвести тот режим и те самоуправления, свидетелем которых был сам на школьной скамье.

В июне 1766 года ученики богословия и философии подали Преосвященному Геннадию коллективную жалобу на своего начальника, наполненную тяжкими обвинениями. «Состоящая под особенною Вашего Высокопреосвященства дирекциею епархиальная семинария с нынешнего 1766 года мая 28 дня пришла в крайнее беспорядочество: понеже префект наш Николай Субботинский от самого показанного числа, оставя все принадлежащие до классов дела, ни в чем другом обращается, как только в одних побоях, которые он безо всяких правильных причин из своих рук налагает на своих учеников бесчеловечным образом». Жестоко издеваясь над вверенными ему учениками, он, по их словам, повторяет одно: «кто-де вас изымет из руку моею?»».

Н. Субботинский оставался начальником семинарии до июля 1766 года, а потом определен был экзаменатором. С началом 1766-67 учебного года епископ Геннадий решил призвать к исполнению ректорской должности прежнего ректора семинарии Дмитрия, архимандрита Архангельского Юрьевского монастыря. Резолюцией от 1 сентября 1766 года архимандрит Дмитрий назначался по-прежнему ректором семинарии и учителем философских наук. За исполнение этих должностей ему положено было по 150 рублей в год [30, с.58].

Архимандрит Дмитрий на этот раз оставался ректором недолго. 11 декабря того же года последовало назначение его в Троицкую Петергофскую пустынь. В 1770 году состоялся перевод Дмитрия в Новгород-Северский монастырь, где в начале 1771 года он, вероятно, и скончался.

Место архимандрита Дмитрия занял префект Тверской семинарии игумен Иосиф (Быков). Иосиф получил образование, по-видимому, в

Тверской семинарии, где выслушал философию и богословие. В 1757 году был пострижен в монашество в Желтиковом монастыре, после чего был назначен учителем Тверской семинарии и преподавал богословие и философию. С 1761 года произведен в игумены Иванишского монастыря Тверской епархии и определен префектом Тверской семинарии. Состоя префектом, он продолжал преподавать философию. В 1763 году за Иосифом оставили одно преподавание философии и освободили от обязанностей префекта. Впрочем, ненадолго. Через год, по упразднении Иванишского монастыря, Иосиф опять вступает в исправление обязанностей префекта. Указом Святого Синода от 12 декабря 1766 года Иосиф был переведен в Юрьевский Архангельский монастырь, а с 1 мая 1767 года – назначен ректором семинарии. Состоя ректором, он преподавал философию и богословие. Умер 9 января 1798 года [43, с.74].

После Иосифа некоторое время семинария оставалась без ректора и получила его лишь в конце 1770 года. Ректором Суздальской семинарии на этот раз стал ее префект Семен Васильевич Доброгорский, в монашестве Соломон.

Ко времени определения в Суздальскую семинарию Николая Субботинского мы уже застаем здесь Семена Доброгорского учителем риторики. По всей вероятности, он был из питомцев Суздальской семинарии, вследствие чего и должен был уступить место более образованному Н. Субботинскому, выслушавшему курс в Лаврской семинарии. Назначая Субботинского учителем риторики, епископ Геннадий устранил Семена Доброгорского от семинарии и предложил ему место дьякона в соборной церкви. Доброгорский принял предложение, и в ближайшем будущем ему не пришлось в этом раскаиваться. Служебные обязанности соборного дьякона поставили его близко к Преосвященному Геннадию, и он заслужил его полное доверие.

13 августа Доброгорский рукоположен в протопопа, а через год протопопа Семена Доброгорского, префекта и философии профессора, встречаем в сане иеромонаха с именем Соломона.

25 декабря 1770 года Соломон определен был на праздное игуменское место в Николо-Шартомский монастырь с назначением ректором Суздальской семинарии. За исправление должности ректора и преподавание философии епископ Геннадий положил по 100 рублей в год. 12 августа 1771 года Преосвященный Геннадий распорядился уволить Соломона от преподавания философии в семинарии «для заслуженного от трудов семинарских отдохновения». Ему было поручено управление семинарией и ставленническое экзаминаторство. Жить он остался по-прежнему при семинарии.

Как и у Субботинского, у архимандрита Соломона неисправности и беспорядки по службе начались, по-видимому, с нетрезвости. 12 марта 1776 года епископ Тихон нашел нужным устранить его от консистории, хотя и сделал это в мягкой форме [24, с.82]. «Уважая возложенную в возобновлении Спасо-Евфимиева монастыря на настоятеля того ж монастыря архимандрита и ректора семинарии Соломона должность, из-за которой ему отлучаться от монастыря небезопасно, дабы во время отлучки его в деле не воспоследовало от работных людей каковой неисправности, притом и другие его труды, около семинарии подъемлемые, а особенно, его припадки болезненные и частые, увольняем его от заседания в нашей консистории».

В тот же самый день архимандрит Соломон подал Преосвященному Тихону прошение об отпуске в Москву для лечения. Прощение было написано в решительном и требовательном тоне: «Я занемог и мне неизвестною болезнью. Полковой лекарь и подлекарь пользовали; но примечательно, не зная моей болезни, оставив, бежали... Чтобы несколько уврачевать себя, нужен искусный доктор; здесь его нет. Для того всенижайшее прошу уволить меня в Москву на 29 дней».

После всех этих определений, наказов, разбирательств последовал снова непрерывный ряд жалоб, инсинуаций, свидетельствующий о том, что раздраженные друг против друга лица сводили свои личные счёты, мало думая, как о монастыре, так и о семинарии.

Болезненное состояние архимандрита Соломона со всеми пагубными последствиями тянулось в течение всего лета 1776 года. Лишь к осени он пришел в себя, и тогда же указом консистории от 12 октября 1776 года ему возвращено было управление монастырем. 17 октября того же года ему возвращена была и ректора в семинарии. Период всяких неурядиц и жалоб закончился, и семинария зажила спокойно [33, с.29].

По выздоровлении (если только оно действительно состоялось) архимандриту Соломону не суждено было долго править Суздальской семинарией. Вскоре его перевели на другое место. Указом Святейшего Синода от 14 июля 1777 года архимандрит Соломон был переведен в Лужецкий монастырь Московской епархии. В этом монастыре он скоро скончался [43, с.72].

Место Соломона в Спасском монастыре и семинарии занял архимандрит Лужецкого Московского монастыря Гервасий Линцевский. И по нравственным качествам, и по образованию новый настоятель Спасо-Евфимиева монастыря был несравненно выше своего предшественника Соломона, вследствие чего Суздальская семинария должна была достигнуть при нем значительного роста, особенно в учебном отношении. К сожалению, он оставался в семинарии сравнительно короткое время.

Архимандрит Гервасий был последним ректором Суздальской семинарии до соединения ее с Владимирской и Переславской в 1788 году.

2.2 Роль префектов в системе управления семинарией

Префекты в дореформенной семинарии исполняли обязанности и пользовались правами, близко напоминающие права и обязанности

инспектора. В Суздальской семинарии, где ректором назначался архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря, обремененный многочисленными обязанностями по управлению монастырем и не имевший вследствие этого возможности принимать активного участия в ведении семинарских дел. Префекты приобретали громадное значение и на практике являлись фактически начальниками семинарии.

Первым префектом, как уже известно, был Николай Субботинский, назначенный на эту должность 14 марта 1763 года. С сентября 1763 года, с увольнением от ректорства Дмитрия, он стал править семинарией с полномочиями ректора.

С сентября 1766 года по 1770 год префектом состоял Семен Доброгорский, в конце 1770 года занявший место ректора семинарии.

После С. Доброгорского некоторое время префектом состоял Семен Иванович Быстрицкий, определенный на это место 25 декабря 1770 года.

Семен Быстрицкий 8 марта 1755 года поступил в Суздальскую духовную семинарию, где прослушал курс до богословия включительно. 23 сентября 1763 года Быстрицкого определили информатором одного из низших классов родной ему семинарии. 4 октября 1770 года распоряжением епископа Геннадия ему была поручена семинарская библиотека. В декабре того же года Быстрицкий был назначен на должность префекта, а в августе 1771 года отстранён от этой должности и оставлен при одной должности учителя риторики [43, с.59].

Отстранение С. Быстрицкого от должности префекта было вызвано одним кляузным делом, в котором ему пришлось защищаться от обвинения, набрасывающего не него немалую тень со стороны нравственной правоспособности быть воспитателем и образцом для юношей.

Вновь получить должность префекта в Суздале Быстрицкому не пришлось. Наоборот, некоторые его дебоши в Липицах уронили его еще больше в глазах высшего начальства семинарии. Так что, когда в 1776 году в конце августа собором Святой Троицкой Лавры сделан был запрос во

Владимирскую консисторию, нет ли каких-нибудь препятствий к принятию С. Быстрицкого в Лавру «в надежду монашества», в Суздале отпустили его без особого сожаления.

Преемником С. Быстрицкого был Андрей Никитич Изографов, в монашестве Арсений. Место обучения его неизвестно. В 1770 году видим Андрея Изографова магистром инфимы, аналогии и французского языка в Суздальской семинарии. Указом епископа Геннадия от 12 августа 1771 года А. Изографову «по старшинству» было поручено занять должность и преподавать философию.

25 ноября 1772 года А. Изографов подал епископу Геннадию прошение такого содержания. «По долговременному моему в семинариях, находящимся при монастырях, пребыванию, снискал я привычку к уединенному житию и положил неперенное желание воспрять на себя чин монашеский, к восприятию коего имею и от родителей моих данное мне благословение и лета правильные. Того ради прошу доношение мое принять и меня именованного постричь в монахи». В конце того же года А. Изографов, согласно просьбе, облечен был в монашеское звание с наречением имени Арсений. В 1772 году Арсений возведен был в игумены Николо-Шартомского монастыря, а в 1773 – последовала на него жалоба от учеников, свидетельствующая, что и он не чужд был той трезвости и соединенного с ней произвола в обращении с учениками, которыми страдали многие из начальников Суздальской семинарии [33, с.44].

«Сего 1773 года октября 25 дня, писали ученики философии, семинарии Вашего Высокопреосвященства Шартомский игумен Арсений Изографов, будучи под немалым куражом, призвав как нас именованных, так и других наших соучеников (выключая Ивана Взорновского, Якова Мякотина, Михаила Побединского, Филиппа Михалева, которые, не хотя видеть на себе столь несносных побой безвинно, ушли), в прихожую свою келью, будто за каким-нибудь делом, приказал штатным служителям своим (хотя они много отговаривались) сечь плетью по обнаженным нашим телам

без всяких наших винностей, в чем мы ему противиться не могли, хотя и не имели достойных такового наказания проступков». В заключение ученики просили им выдать паспорт для поездки в Москву для поступления в Московскую академию. Под прошением подписались ученики философии Иван Виноградов и Алексей Дмитриев [30, с74].

Епископ Геннадий на прошении учеников наложил резолюцию: «Против сего доношения исследовать и что окажется по следствию доложить. А дабы напрасных побой семинаристам не чинено было, наблюдать присутствующим консистории и секретарю».

Когда консистория, в силу этой резолюции, потребовала объяснений от игумена Арсения, последнему пришлось войти к преосвященному Геннадию с извинительным всенижайшим доношением. В доношении он отрицал тот факт, будто бы он был 25 октября под куражом, но соглашался с тем, что ученики действительно были наказаны им плетьюми, хотя и не по обнаженным частям тела, а по одежде. По его словам, такая мера вызвана была беспорядками, произведенными этими учениками на уроке французского языка у учителя Шиповского. Когда, по жалобе Шиповского, Дмитриев, Виноградов и другие были вызваны им для допроса, они не только не хотели сознаться в проступке, но ответствовали ему, префекту, дерзостно, не как командиру, а как своему товарищу. Приведенный в огорчение, префект велел им принести лозы, но они не послушались. Тогда префект наказал их плетьюми по 4-6 ударов.

Епископ Геннадий оставил в силе свою прежнюю резолюцию, и консистории передан был высший дисциплинарный надзор в семинарии. С того времени, если префект Арсений хотел кого-нибудь подвергнуть телесному наказанию, то предварительно должен был сноситься с консисторией и ожидать ее распоряжений.

12 мая 1774 года скончался архимандрит Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Ефрем. Преосвященный Геннадий рекомендовал на его место двух кандидатов – Соломона, игумена Угрешского монастыря, и

префекта Арсения. Указом Святейшего Синода от 20 июля того же года в Суздаль переведен был Соломон, а на освободившееся место в Угрешском монастыре назначен Арсений. 6 марта 1776 года Арсений был переведен в сане архимандрита в Архангельский Устюжский монастырь, в 1786 году – в Можайский Лужецкий; в 1794 году перешел в Саввино-Сторожевский, где, видимо, и скончался [28].

Через два года по выходе из Суздальской семинарии Арсения место префекта было предоставлено Антонию, в миру Афанасию Семеновичу Великосельскому – питомцу Суздальской семинарии. В 1771 году Афанасия Великосельского встречаем в звании сениора Суздальской семинарии. В этом именно звании он фигурирует в упомянутом выше деле С. Быстрицкого по обвинению его в провозе корчемного вина. В 1772 году А. Великосельский послан был для окончания образования в Московскую славяно-греко-латинскую академию [43, с.11]. В июле 1774 года, по окончании образования, возвращен в Суздаль. Принял в октябре монашество с именем Антония и назначен учителем синтаксиса. В 1775 году Антоний был произведен в иеромонахи. В апреле 1776 года, когда ректор семинарии Соломон заявил себя целым рядом проступков, обнаруживших его болезненное состояние, иеромонах Антоний назначен был вице-префектом семинарии, а через некоторое время – и префектом.

До выздоровления Соломона в руках Антония сосредоточено было управление всей семинарией. Видную роль Антоний продолжал играть и по выздоровлении Соломона. После перевода Соломона в Лужецкий монастырь Антоний в течение трех лет стоял во главе семинарии, управляя ей со всеми полномочиями ректора.

Назначение ректором семинарии Гервасия на первых порах также мало отразилось на полномочиях и престиже Антония. По крайней мере, в 1783 году ему было поручено преподавание богословия, хотя обычно этот класс поручался главному начальнику семинарии – ректору. Архимандрит

Гервасий этим распоряжением епископа Тихона остался недоволен и в следующем году в особом докладе Тихону писал так.

«А как отцу префекту звании определены: первое – учить богословии, второе – присутствовать в консистории, третье – управление Васильевского монастыря, то наблюдательство над учениками семинарии не может иметь надлежащей ферулы, чего ради соблаговолите ль, Ваше Преосвященство, префектуру поручить, как и везде водится, учителю философии».

Епископ Тихон с этим не согласился, но не мог не признать справедливости замечания Гервасия и назначил в помощники Антонию вицепрефекта Петра Лебедева, причем Владыка таким образом формулировал права и обязанности этих трех лиц, начальствующих в семинарии [30, с.78].

«Ректору за всеми учителями должно смотреть обще с префектом, чтобы они свои должности исправляли как наирачительнейше, а буде кто тому станет чинить противное, о том, не упуская времени, мне докладывать. Для познания же их рачительности отец ректор обще с префектом и вицепрефектом должен дважды в неделю классы обойти и об успехах спросить, а в случае оплошности мне доложить сначала словесно, а потом и письменно».

Об обязанностях и отношении вицепрефекта к префекту Преосвященный Тихон писал так: «Вицепрефекту наблюдать за учениками, чтобы они соблюдали себя в трезвости и чистоте и прилежали бы всякий своему учению и в присутствии префекта префектовских учеников, и своих, само собою, а прочих школ в присутствии одного их учителя штрафовать бы за непостоянства благопристойно, дабы все было постоянно и честно».

Иеромонах Антоний оставался префектом семинарии до 1 января 1785 года, когда произведен был в игумена Николаевского Луховского Тихоновой пустыни монастыря, где вскоре по назначении он и скончался.

Петр Ефимович Лебедев – уроженец села Ново-Флоровского Киржачской округи. В 1773 году 9 октября был принят в Троицкую

Лаврскую семинарию, где выслушал учение с низших классов до богословия включительно. В 1783 году он вместе с другими обратился с просьбой к Преосвященному Тихону о возложении на него должности, какую Его Преосвященству угодно будет. Епископ Тихон дал составить совет ректору, префекту совместно с секретарем консистории и определить, кого из наличных учителей можно уволить, а просителей на их место назначить. После этого совещания Петр Лебедев определен был учителем пиитического класса и греческого языка. Указом от 2 октября 1784 года Лебедеву поручен был философский класс и исправление вице-префектовской должности, созданной, при существовании префекта, для облегчения многочисленных и сложных трудов префекта Антония. В том же году греческий класс был разделен на две части, и Петру Лебедеву вверено было преподавание высшего грамматического класса. В конце 1785 или начале 1786 года он был определен, за выходом иеромонаха Антония, префектом семинарии. С 26 января 1786 года в его ведении находилась и богословская школа [43, с.40].

Петр Лебедев оставался в Суздальской семинарии и после соединения с ней Владимирской и Переславской. Своею небрежностью и беспечностью он подал повод к возникновению многочисленных дел, доставивших много хлопот Владимиро-Суздальской консистории. Петр Лебедев скончался в монашестве с именем Платона.

2.3 Анализ преподавательского состава семинарии

Учителя Суздальской семинарии набирались из ее же питомцев, достигших высших классов. Впоследствии этого семинария командировала своих лучших учеников в Славяно-греко-латинскую академию или Троице-Сергиеву школу [28].

Назначение учителей на места совершалось на основании резолюции Суздальских архиереев. Архиереи назначали и жалованье определяемым на учительскую службу. В награду за ревностное прохождение вверенной должности учителя переводились из класса в класс, соответственно, чему

увеличивалось и жалованье. Нерачительные наказывались уменьшением денежного оклада и увольнением со службы на какое-нибудь священническое место.

В обучении Суздальские учителя, как и учителя других семинарий, пользовались услугами и содействием со стороны старших и более успешных учеников, которым давались соответствовавшие звания: сениоров, аудиторов.

Кроме учителей, ставших начальниками семинарии и вследствие чего о них в работе говорилось выше, в Суздале учительствовали следующие лица.

Игумен Венедикт – воспитанник Киевской академии, из малороссов. 2 марта 1757 года пострижен в монашество в домовая архиерейской церкви г. Суздаля и, вероятно, с того же времени стал отправлять, совместно с Дмитрием Гроздинским, должность учителя в Суздальской семинарии. В его ведении находились низшие классы. Он вел обучение, начиная с класса аналогии и оканчивая пиитикой. 15 декабря 1762 года иеромонах Венедикт определен был игуменом Николо-Шартомского монастыря. Умер 24 декабря 1769 года [30, с.79].

Егор Васильевич Руфицкий назначен информатором (учителем низшей школы) из воспитанников Суздальской семинарии. В 1764 году он обучал синтаксический класс, а в 1767 году – риторику и пиитику. В этом году ректор семинарии Иосиф в своем докладе, поданном епископу Геннадию, указывал «на несчастную склонность Руфицкого к хмельному питию, вследствие которой в своей должности Руфицкий оказывается неисправным и неуспешным, так что в школьном учении бывают частые остановки, что усмотрено и им ректором». На основании этого Иосиф просил оставить Руфицкого от учительской должности. На докладе Иосифа преосвященный Геннадий написал строгую и решительную резолюцию. «Показанного магистра Руфицкого за пьянство, о котором и прежний ректор неоднократно словесно и письменно нам докладывал и об отменении просил, от должности учительской отставить». В 1769 году Руфицкий был определен священником в село Воскресенское Шуйского уезда.

Василий Степанович Магницкий обучался в Суздальской семинарии. В 1759 году определен к Петропавловской церкви города Суздаля в дьячка. В 1762 году был уволен от дьячковской должности и назначен информатором в семинарии, в этой должности он состоял до 1768 года. В июле 1768 года был определен священником к Покровской церкви села Иванова.

Яков Смоленский из Суздальской семинарии, где слушал учение до школы философии включительно. С 1764 года – информатор низшего класса в Суздальской семинарии. Яков Смоленский учительствовал недолго. С 7 декабря 1765 года его сменил Матфей Миловский.

Матфей Михайлович Миловский – товарищ по учению Я. Смоленского. Информатором в Суздальской семинарии М. Миловский оставался немногим дольше Смоленского, но особыми дарованиями также не отличился [33, с.42]. Епископ Геннадий 21 августа 1770 года распорядился удалить Миловского из семинарии «за его малую, а не таковую, каковая в достойном учителе требуется, способность к сложению проповедей». 19 февраля 1771 года М. Миловский был рукоположен в село Пестяки, Решемской десятины, в священника.

Антон Андреевич Цветков из питомцев Суздальской семинарии. Поступил в семинарию в 1762 году. 3 сентября 1770 года был определен информатором в низший грамматический класс. В 1773 году обучал в синтаксисе. В начале этого года он был рукоположен в священника в Холуйскую слободу.

Григорий Иванович Шиповский – ученик Суздальской семинарии, по курсу ниже Цветкова. В 1771 году состоял уже учителем низшего грамматического класса и французского языка. Именно с его именем связан инцидент с наказанием иеромонахом Арсением учеников плетьюми. С выходом в 1773 году А. Цветкова из семинарии, Шиповский был повышен в учителя синтаксиса. В 1776 году Г. Шиповского уже не было в Суздальской семинарии; он поступил в славяно-греко-латинскую академию, по окончании которой сделался воспитателем детей князя А. Хованского [24, с.58].

Иеромонах Иоасаф, в миру Иван Яковлевич Карпинский, обучался в Суздальской семинарии. В 1766 году из класса философии И. Карпинский был назначен дьяконом Гавриловой Непашенной слободы, где в 1771 году овдовел. 28 марта 1773 года, по выходе из семинарии А. Цветкова, И. Карпинский был определен учителем инфимы и аналогии. Определению этому предшествовала его просьба о пострижении в монашество. В 1774 году просьба была повторена, и Карпинский был пострижен в монахи с именем Иоасафа.

В 1776 году, как уже известно, иеродьякон Иоасаф выступил с жалобой на вицепрефекта Антония и учителя семинарии С. Быстрицкого в оскорблении его во время загородного гуляния. Жалоба эта не имела успеха. Наоборот, она повлекла для Иоасафа неприятные последствия. Вскоре после ее иеромонах Антоний подал Преосвященному Тихону доношение, в котором не пощадил красок для обрисовки некоторых вольностей в поведении иеродьякона Иоасафа» [33, с.50].

Через несколько дней вицепрефект подал второй доклад, также неблагоприятный для Иоасафа. «21 мая, доносил иеромонах Антоний епископу Тихону, по утру, как я пошел за нуждою до кельи архимандрита Соломона, то усмотрел в келье его спящего пьяного учителя иеродьякона Иоасафа, который тоже злобится на меня в том, что я стараюсь воздерживать его от шалостей, известных и Вашему Преосвященству, за что он и взошел теперь со мною в брань и обидел меня публично».

Иеродьякона Иоасафа позвали в консисторию для оправданий. Оправдания его были слабы.

Преосвященный Тихон не поверил таким оправданиям и распорядился послать Иоасафа в Шартомский монастырь, а инфиму до вакансии поручить надежному философу. Надежный философ был найден в лице Ивана Назимова, который и заведывал инфимой до конца учебного года. 5 июля 1776 года исправление должности учителя инфимы было поручено Предтеченскому дьякону Никифору Васильевичу Рязанцеву [43, с.55].

Воздержание и трезвость Иоасафа продолжались недолго. Чрез год его видим на смирении в Юрьевском Архангельском монастыре. Из Архангельского монастыря Иоасаф был извлечен благодаря участливому отношению к его судьбе нового архимандрита Суздальского монастыря Гервасия. По приезде Гервасия в Суздаль, Иоасаф сначала переведен был на штатное место в Спасо-Евфимиев монастырь, а потом – 6 октября 1778 года – определен наставником пиитики. Чтобы дать место Иоасафу при семинарии, постарались выделить пиитический класс из риторики.

Но архимандриту Гервасию скоро пришлось раскаяться в своих благожелательных чувствах в отношении к Иоасафу. В 1779 году Иоасаф Карпинский сослан был по резолюции Владыки в Николаевскую Тихонову пустынь. Ехать туда ему страшно не хотелось, и он решил склонить к себе на милость еще раз Преосвященного Тихона.

«Как я послушание в должности учителя всеревностно исполнял, а притом и проповеди при присутствии Вашего Высокопреосвященства народу предлагал и в награждение оных подвигов Ваши Архипастырские милости получал, то из оных великих милостей прошу: дабы благоволено было меня нижайшего уволить в царствующий град Москву для приискания себе места у Преосвященного архиепископа Платона».

В Москве иеродьякон Иоасаф Карпинский был принят в Донской ставропигиальный монастырь [33, с.30].

Гавриил Яковлевич Семьинский. В ноябре 1772 года из Суздальской семинарии вместе с другими послан был в Московскую славяно-греко-латинскую академию для окончания философского и богословского курса. В июле 1774 года, по окончании положенного учения, был возвращен в распоряжение епископа Суздальского и назначен учителем философии Суздальской духовной семинарии. Жалованья за службу ему было положено по 100 рублей в год. Сверх сего, за ним зачислено было место священника при Суздальской Рождественской церкви. В 1775 году, со вступлением на кафедру епископа Тихона, Г. Семьинский просил уволить его от

священнического места, с которого получал доход и которое за ним числилось, находя неудобным для себя в будущем совмещение обязанностей учителя и священника, и ходатайствовал об увеличении ему взамен этого содержания на 30 рублей. Просьба его была удовлетворена. В декабре 1778 года Г. Семьинский оставил семинарию и перешел на службу во Владимирское наместничество. Согласно его просьбе, ему был выдан одобрительный аттестат за подписью епископа Тихона и консисторскою печатью. В 1781 году Семьинский занимал уже место секретаря Суздальского уездного суда [30, с.82].

Михаил Иванович Новосельский – товарищ по семинарии Афанасия Великосельского, слушал богословский курс, как и Великосельский, в Московской славяно-греко-латинской академии. В начале 1774 года Новосельский состоял уже учителем инфимы. В конце 1785 года произведен в священника в селе Лежнево Ковровского уезда [24, с.66].

Алексей Иванович Глебов. Из Суздальской семинарии для окончания богословского образования поступил в Славяно-греко-латинскую академию. В 1774 году вместе с Семьинским и Великосельским был возвращен в Суздаль и назначен учителем синтаксимы. Вскоре же после этого был произведен священником Покровского монастыря. Учительское жалованье стал получать лишь с 1778 года по 75 рублей в год. В 1783 году священник А. Глебов преподавал риторику. Августа 31 этого года он уволен от учительства при семинарии «к безостановочному исполнению священнической должности при монастыре». Увольнение Глебова вызвано было появлением в Суздале новых кандидатов на учительскую должность, окончивших Троицкую семинарию.

Никифор Иванович Пигмеев обучался в Суздальской семинарии. Из философского класса определен был в 1771 году дьяконом, а затем – священником села Кохмы и состоял учителем инфимы и аналогии в Суздальской семинарии.

В 1781 году прихожане села Кохмы, по словам епископа Тихона, «доложили ему, что им без попа невозможно, и просили на место Пигмеева другого назначить, или возвратить Пигмеева». Жалобой прихожан воспользовался Дмитрий Метлов, воспитанник Суздальской семинарии, подавший на имя Преосвященного Тихона следующее витиеватое прошение: «При респекте Вашего Святительства обучался я низайший в здешней семинарии, учение философское окончил и несколько, по блакости Всевышнего, в латинском языке и в правилах расположений навык. Но как еще против сверстников моих, получивших места, в искательстве для себя пристанища в какой-либо чин вступить не изобрел, то поразсудилось, если Ваше Преосвященства последует мне милость и благоволение, потрудиться мне в семинарии в учительстве аналогии и инфимы, что и представит мне ту пользу, которая поспешествует сугубому учению...» [30, с.33].

Дмитрий Романович Тихомиров – сын дьячка села Фетиньина Киржачской округи, ученик Троицкой семинарии, куда поступил в 1773 году. В Троицкой семинарии Тихомиров прослушал курс до богословия включительно и 28 августа 1783 года вместе с другими подал прошение епископу Тихону о предоставлении ему должности по благоусмотрению. Ближайшим следствием этого прошения было увольнение Алексея Глебова от учительства при семинарии. Тихомирову были поручены ученики синтаксисы и грамматики и вверено преподавание французского языка. Жалованье назначили по 80 рублей в год. С 1784 года Тихомирова освободили от преподавания грамматики, но передали ему пиитический класс. В ноябре 1785 года Тихомиров был назначен преподавателем риторики и французского языка. В Суздальской семинарии Тихомиров оставался до 1797 года, когда вышел из семинарии и подал прошение о пострижении в монашество.

Алексей Иванович Введенский – сын священника Юрьевского Введенского монастыря. В 1776 году поступил в Троицкую семинарию, в которой с низших школ дошел до богословия. 10 ноября 1785 года был

назначен в Суздальскую семинарию преподавателем латинской грамматики «к облегчению Дмитрию Метлову». Сверх грамматики он должен был преподавать начатки греческого языка и обучать арифметике. За все это было положено ему по 70 рублей в год. В следующем году им было подано в консисторию прошение, в котором Введенский прямо заявлял, что на эти деньги он сдержать себя не может. Консистория не обнаружила особенного сочувствия к материальному положению Тихомирова; его жалованье было увеличено лишь на пять рублей в год. Но и эту прибавку у него скоро отняли. С 1787 года вследствие перемен, происшедших в распределении классов между наставниками, ему пришлось перейти снова на 70-рублевый оклад. По жалобе, поданной на этот раз епископу Виктору, его оклад был увеличен до 80 рублей в год. В феврале 1789 года А. Введенский по прошению был уволен в Москву для производства в священники к церкви Святого Афанасия и Кирилла, что на Сивцовом вражке.

Иван Ефимович Лебедев. С 1776 года обучался в Троицкой семинарии, где выслушал курс до богословия. Вместе с Введенским был назначен в Суздальскую семинарию учителем пиитического и синтаксического класса при жаловании по 70 рублей в год. В 1786 году, как и Введенский, он подал в консисторию прошение о прибавке ему оклада и при этом ссылаясь на то, что ему приходится заниматься в высших классах. Оклад Лебедева был увеличен на 10 рублей. Время выхода его из семинарии неизвестно [28].

Алексей Дмитриевич Володский. 6 сентября 1786 года префектом семинарии Петром Лебедевым был подан доклад в консисторию, в котором он, ссылаясь на практику других семинарий, просил учредить и при Суздальской должность информатора, то есть учителя «новопринимającychся отроков», в помощь учителю низшего класса. На это место он рекомендовал обучающего латинскому языку при архиерейском доме малых певчих иподьякона Володского. В 1760-х годах Суздальская семинария пользовалась услугами информаторов; проект Лебедева, таким образом, не был новым, и его предложение было принято. После этого малые певчие для обучения

были отправлены в семинарию и распределены по соответствующим классам; с них была взята только подписка неопустительно в воскресные и праздничные дни посещать для пения Кафедральный собор. А. Володский был утвержден информатором Суздальской семинарии и переведен, как он выражался впоследствии, из «приватной в публичную семинарию». Жалование ему было положено по 30 рублей в год. С 1787 года Володский по прошению получил прибавку к жалованью в 10 рублей. В том же году он был уволен с учительской должности по неизвестной причине. На его место определили ученика богословия Михаила Селецкого, занимавшего эту должность, по-видимому, временно.

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В СУЗДАЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

3.1 Исследование учебного дела

Учебное дело в Суздальской семинарии строилось на общих началах с Владимирской семинарией. До 1780-х годов Суздальская семинария представляла типичный образец дореформенной школы со всеми ее недостатками и крайностями. С 1780-х годов, со времени новых Екатерининских течений в учебно-воспитательном деле, и в жизни Суздальской семинарии можно наблюдать некоторые перемены, говорящие о попытках, если не реформировать старые порядки, то, по крайней мере, приспособить их к новым требованиям, поставленным на очередь самую жизнью [31, с.150].

Для обучения в семинарию принимались дети только священно-церковно-служителей Суздальской епархии. Их набор производился не ежегодно, а через известные промежутки времени соответственно тому, как освобождались места в низших классах за переходом учеников в высшие. Набору предшествовало обыкновенно составление ведомостей о детях священно-церковно-служителей, которые заготавливались в консистории. В ведомости вносились все мальчики от 9 до 14 лет. К назначенному времени родители зарегистрированных детей должны были представить их в Суздаль, где они подвергались экзамену. Экзамен производился большею частью ректором. Умеющие читать и писать определялись в низшие классы семинарии, а неграмотных отпускали в дома родителей, предварительно обязав отцов их подписками, чтобы они через известное время, обучив детей своих грамоте, представили их в консисторию для отсылки в семинарию. В противном случае им угрожали карой закона и жестокими штрафами. Из числа принятых в семинарию некоторые обладающие хорошими голосами отбирались в архиерейский хор и поступали под наблюдение особого учителя [30, с.94].

Отцы детей, признанных годными для обучения в семинарии, всячески старались освободить своих питомцев от тяжелой учебной повинности. Подавались на имя архиерея прошения, где измышлялись разные причины, по которым мальчики оказывались к изучению наук непригодными. Но все эти просьбы и объяснения признавались «недельными отговорками» и во внимание не принимались [31, с.120].

В 1780 году Преосвященный Тихон при обзоре епархии наметил к определению в семинарию несколько мальчиков, в числе которых был сын священника села Бородина. Священнику было дано распоряжение через консисторию представить немедленно мальчика в Суздаль. Но отцу не хотелось расставаться с ребенком, и он подал Тихону всепокорнейший доклад: «Понеже оный сын мой Димитрий находится ныне в болезни таковой, что на обеих его руках имеется чесотка, а паче сего одержим младенческою болезнью, того ради всепокорно прошу сына моего Димитрия от посылки в семинарию уволить».

«Чесотка не мешает учению, написал епископ Тихона на прошении, и как будет учиться, а не дома нежиться, то чесотка пропадет. Несмотря на пустые отговорки взять и мне представить».

Случаи, когда отцы сами обращались с прошениями о принятии их детей в семинарию, бывали весьма редко. По большей части, они обуславливались сторонними соображениями отцов, ничего общего с наукой не имеющими. Так, в 1770 году обратился к Преосвященному Геннадию с просьбою о принятии его сына в семинарию дьячек села Введенского Шуйского уезда. По наведенным справкам обнаружилось, что просьба эта вызвана тяжелым материальным положением отца, которому не на что было кормить шесть человек детей, и который надеялся, что сын его будет принят на казенный счет. Кроме того, сын дьячка оказался с физическим недостатком (сросшиеся пальцы на правой руке), неспособным совершенно обучаться письму.

Но зато в тех редких случаях, когда просьба о принятии в семинарию вытекала из более чистых побуждений, Суздальские архиереи относились с особенною благожелательностью к просителям. «Принять в семинарию благословляем пастырски, писал епископ Тихон на одном из каких прошений, и желаем благопоспешества в начале и в продолжение учения» [24, с.130].

После принятия в семинарию ученик поступал в один из низших грамматических классов. В 1763 году, в год открытия в Суздальской школе правильных занятий, в ней считалось 4 грамматических класса. Самый низший, где обучались латинской азбуке и русскому чтению, именовался первым, самый высший – четвертым. В 1769 году каждый из этих четырех грамматических классов именовался уже тем именем, какое было принято для него в других семинариях; а именно, первый – аналогией, второй – инфимой, третий – грамматикой и четвертый – синтаксимой.

За синтаксимой следовала риторика, которая долгое время объединялась с пиитикой. Окончательное выделение пиитики в самостоятельный класс обуславливалось желанием начальства дать место Иоасафу Карпинскому, что и было достигнуто. Пиитический класс остался самостоятельным и после ухода Карпинского.

Философский класс был открыт в Суздальской духовной семинарии в 1762 году. С того времени преподавание философии не прекращалось в Суздале до закрытия Суздальской семинарии [28].

Философский класс долгое время оставался самым высшим. Обучение богословию началось в Суздальской семинарии не скоро. Правда, в 1767-68 году ректор Иосиф преподавал догматику. Преподавал ее, по-видимому, и Николай Субботинский в бытность префектом семинарии. Но преподавание это носило временный, отрывочный характер. Более серьезная попытка сделана была в 1777 году.

4 октября этого года Преосвященным Тихоном было дано приказание консистории, взять у учеников, окончивших философию, известие, кто из

них и где желает занять священническое место, а до определения их на места велено им слушать богословие. Учителем богословия временно был назначен преподававший риторику иеромонах Антоний. Ему было положено преподавать богословие со второго школьного звонка до шестого, после чего полагалось идти в риторику. Ученики «все нужнейшее» обязаны были учить наизусть. Помимо этого, слушатели богословия обязаны были слагать проповеди и говорить за архиерейской службой.

6 октября в семинарию был послан указ, и занятия по богословию начались. Всех слушателей, окончивших полный философский курс, оказалось 8 человек. Но в январе два из них были уволены в приказный чин, в мае один поступил в дьяконы, в июне один – в священники, другой – в дьяконы и трое перешли в Новгородскую епархию. После этого богословие осталось без учеников, и «богословское учение, преподаваемое тем ученикам, было оставлено» [30, с.95].

В декабре 1783 года на имя Тихона, епископа Суздальского, был послан указ из Святейшего Синода. В указе говорилось, что по справкам, наведенным в ведомостях о Суздальской семинарии за 1782 год, оказалось, что в ней преподается только философское учение; между тем, на содержание Суздальской семинарии «особливая положена сумма», ввиду чего и постановлено подтвердить указом епископа Тихона «о непременно учреждении в означенной семинарии школы богословии».

Распоряжением Преосвященного Тихона от 19 февраля 1784 года в Суздале был открыт постоянный богословский класс, хотя на первых порах для него и трудно было набрать учеников, так что в 1784 году приходилось одновременно одним и тем же ученикам преподавать начала философии и богословии.

Поименованные классы назывались ординарными, главными. Кроме них, в курсе Суздальской семинарии, особенно с 1780-х годов, когда усилились просветительные веяния Екатерининской эпохи, появляется несколько предметов, рассматривавшихся как второстепенные, не особо

важные, но, тем не менее, занявших прочное место. Таковы французский и греческий языки и арифметика [41, с.812].

О преподавании французского языка в Суздальской семинарии встречаем упоминание еще в 1760-х годах. Устойчивое положение этот предмет вместе с греческим языком получил в 1783 году. Этому содействовало появление в Суздале подготовленных к преподаванию языков учителей. В августе 1783 года Петр Лебедев и Дмитрий Тихомиров, обучавшиеся в Троицкой семинарии, подали прошение о зачислении их в Суздальские учителя. В прошении просители упоминали о своих занятиях в Лаврской семинарии по французскому и греческому языкам. Епископ Тихон определил Лебедева учителем пиитического класса с тем, чтобы он обучал «тоя же школы и прочих способных учеников греческому языку», а Тихомирова – синтаксисы и грамматики, а вместе и французского языка для тех, кто окажется к тому способным. Впоследствии класс греческого языка и французского подвергся подразделению: на низший и высший [24, с.59].

Классы греческого и французского языков не совпадали с обычным учебным временем. Французский язык преподавался до уроков, а греческий – после обеда по окончании ординарных классов. Зимой занятия по этим предметам производились при свечах.

В каком году введено было в Суздале обучение арифметике, из архивных дел не видно. Известно только, что в 1785 году арифметика уже преподавалась.

Церковное пение в качестве самостоятельного предмета в Суздальской школе не существовало. Обучение мальчиков пению происходило таким образом. Из числа набранных в семинарию учеников отделялись более способные петь, определялись в певческий хор и поручались наблюдению особого учителя «вокальной музыки».

Таков был состав курсов и предметов, которым обучались Суздальские семинаристы. Характер и методы обучения были, несомненно, те же, какие господствовали в то время в других семинариях. Кроме устных разъяснений

и опросов, большую роль в обучении играли письменные работы. К сожалению, до нашего времени не дошло никаких образчиков школьного творчества Суздальских семинаристов этой эпохи. Не имеем также сведений о школьных диспутах. Есть, впрочем, некоторые основания думать, что происходили они очень редко, а публичные, вероятно, и совсем не практиковались. Только со времени соединения трех семинарий в одну в Суздале стало устраиваться ежегодно по три публичных диспута и то вследствие особого распоряжения на то епископа Виктора.

Переход учеников из низших школ в высшие совершался в Суздальской семинарии, как и в других семинариях, посредством сдачи экзаменов. Переводные экзамены происходили обыкновенно в конце года, когда составлялась подробная ведомость об успехах учеников. Малоуспевшие ученики оставались в одном и том же классе до тех пор, пока не делались по успехам годными к переводу в высшие классы.

Исключение из семинарии по малоуспешности было явлением очень редким. Обыкновенно оно производилось в силу распоряжения высшей епархиальной власти. Так, в 1769 году, вследствие распоряжения епископа Геннадия, были исключены из семинарии шесть малопонятных учеников и присланы в консисторию для определения на церковнические места. В 1779 году на основании резолюции епископа Тихона были назначены к отсылке во Владимирское наместническое правление три непонятных и малоуспешных ученика, которые ходили на уроки только в тех случаях, когда их приводили туда насильно.

Правильных периодических выпусков, подобных нынешним, дореформенная семинария не знала. Ученик оставался в семинарии до тех пор, пока его не определяли на какое-нибудь священно-церковно-служительское место или же сам не уходил в светское звание. Ученикам часто приходилось числиться в составе семинарии даже по окончании всего семинарского курса. Такой элемент действовал деморализующим образом на остальных учащихся. В класс они не ходили. С учителями низших классов

чувствовали себя на равной ноге, дискредитируя их значение в глазах младших. К действиям надзирающих и воспитывающих относились не без критики [31, с.174].

С 1780-х годов установилась практика посылать ученикам высших классов из консистории сведения о праздных священнических и дьяконских местах, и затем места эти, по деланию и выбору учеников, за ними и утверждались. Если консистория медлила почему-либо сообщением, окончившие вступали с жалобой [41, с.714].

Несмотря на такие дореформенные порядки в выпуске оканчивающих и удалении из семинарских стен малоуспешных, Суздальская семинария не отличалась богатым наплывом учащихся. Видную роль при этом играли, несомненно, экономические факторы, побуждавшие семинарию действовать с особой осторожностью при наборах новых учеников [24, с.33]. В 1726 году в Суздальской семинарии числилось 109 мальчиков. Но цифра эта была слишком высока для молодой школы и, за недостатком средств к содержанию такого числа учеников, школу пришлось скоро закрыть. При последующих наборах такой урок был принят во внимание, и в 1744 году при закрытии семинарии вследствие ухода иеромонаха Иустина в ней насчитывалось всего 28 человек. В 1762 году Суздальская семинария, начав правильное и устойчивое существование, опять значительно увеличилась в своем составе. В 1766 году, например, в ней обучалось 134 ученика. Переход семинарии на скромный штатный оклад отразился самым невыгодным образом на количестве учащихся. В 1781 году в ней училось всего лишь 85 человек. В 1784 году был увеличен штатный оклад, и вместе с тем стало увеличиваться число учеников. К концу самостоятельного существования Суздальской семинарии в 1788 году она насчитывала в своем составе свыше 215 питомцев.

Некоторые из учеников Суздальской семинарии не ограничивались курсом наук, проходимых в родной школе, а искали восполнения образования в других школах. В ряду таких учебных заведений Суздальская

семинария ранее и более всего снабжала своими учениками Троицко-Лаврскую семинарию. Сюда посылались из Суздальской епархии дети, обученные грамоте, еще до времени прочного основания Суздальской семинарии. У Троицы-Сергия питомцы Суздальской школы искали довершения богословского и философского образования и после того, как в Суздале стала правильно функционировать местная школа, так как высший класс в ней открылся сравнительно поздно.

С 1770-х годов лучшие ученики Суздальской школы стали посылаться для завершения образования в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Так, в 1772 году для окончания философского и богословского образования были посланы Гавриил Семьинский, Афанасий Великосельский и Алексей Глебов. Они окончили полный курс академии в 1774 году и сделались впоследствии наставниками Суздальской семинарии. В том же 1772 году с той же целью был послан в Москву Алексей Никитский. В 1778 году были намечены к отправлению в Московскую академию Петр Поспелов, Дмитрий Метлов и Иван Быков.

Московский университет тоже неоднократно видел в своих стенах учеников Суздальской семинарии. К сожалению, точные списки Суздальцев, поступивших в Московский университет, восстановить нельзя за недостатком данных. Но известно, например, что в 1778 году уволились из семинарии для поступления в университет студенты философии Дмитрий Тростин и Лев Шиповский [28].

В 1787 году семинаристам было объявлено в силу Высочайшего указа о праве свободного перехода ученикам риторики, философии и богословии в ведомство медицинской коллегии для обучения медико-хирургическим наукам. Но в Суздале, как докладывал ректор семинарии архимандрит Гервасий, желающих поступить в лекарские ученики не оказалось.

Свободным от обучения временем считались летние каникулы, пасхальные и рождественские. Летние каникулы продолжались с 15 июля по 1 сентября. На практике они обыкновенно удлинялись, так как семинарскому

начальству трудно было после лета собрать своих вкусивших сладость вольного деревенского духа питомцев. В Суздальском архиве сохранилось много дел, заключающих в себе переписку семинарского начальства с консисторией о водворении в семинарию не явившихся с каникул учеников. Временами их доставляли в консисторию вместе с отцами и тут же чинили провинившимся жестокою экзекуцию.

Во избежание лишних хлопот, в рождественские и пасхальные каникулы учеников, хотя и учеников освобождали от занятий, но отпускали домой с неохотою, по преимуществу лишь ближайших и благонадежнейших. Но и в таких случаях не обходилось без неприятностей [24, с.116].

«Нынешнего 1774 года апреля 12 дня, доносила семинария консистории 26 мая, по обыкновению прежних годов уволены были ученики всех школ от своего учения на страстную неделю и на Святую Пасху с тем, чтобы они в здешнем городе имели свободу, а в дома не отлучались, а особливо в дальнем расстоянии находящиеся села никто уезжать не дерзал. Однако же некоторые ученики, а именно, школы пиитики Осип Острцов, школы грамматики Федор Монтанов, Иван Луховский, школы инфимы и аналогии Петр Макатовский, Василий Жарковский и до сих пор в школу не являются и где ныне находятся, неизвестно» [30, с.102].

Окончательно семинаристы были лишены отпусков рождественских и пасхальных с 1784 года. Преосвященный Тихон, присутствуя на экзаменах в этом году, нашел учебное дело в семинарии в большом упадке. Стараясь объяснить это явление, Владыка в числе других причин признал и ту, что «семинаристы отпускаются на два праздника Рождества и Воскресения Христова и живут в домах по три и более недели во всякий праздник без учения в одном гулянье». Ввиду таких соображений было определено следующее: «Отселе на праздники Рождества и Воскресения Христова не отпускать ни одного, хотя бы они из Суздаля града урожденные, кроме певчих (коих отпускать к родителям только по праздникам и по возвращении

примечать, не пьяны ли они); почему родителям и сродникам дать знать, чтобы они нужное им привозили сами в свое время».

С этого же года для семинаристов ограничена была свобода пользования и летним вакалом. По словам епископа Тихона, «семинаристы, на вакации живучи, не в чтении книг, но или в крестьянской работе или наипаче в одном гулянии время провождали», вследствие чего Тихоном велено было «на вакации отпущая, назначать им уроки и по возвращении их строго спрашивать об уроках».

В 1771 году семинаристы пользовались экстренным отпуском. Ввиду обнаружившихся в Суздале заболеваний от моровой язвы, семинаристы отпущены были 4 ноября. Отпуск продолжался до прекращения болезни в Суздале. 1 февраля 1772 года занятия возобновились.

3.2 Библиотека как лучшее подспорье учебного дела семинарии

Библиотека всегда является лучшим подспорьем учебного дела, к сожалению, в дореформенных семинариях она никогда не отличалась богатством книг. Скучные штатные оклады позволяли семинарскому начальству только в качестве роскоши, допускаемой далеко не ежегодно, восполнять семинарскую библиотеку новыми книжными приобретениями. За книгами, добываемыми с таким трудом, следили чрезвычайно внимательно и держали их от ученических рук подальше. Заведовал библиотекой один из семинарских учителей.

Вскоре после открытия в 1763 году собрание семинарской библиотеки составляло 27 наименований:

1. «Лексикон» Василия Фабра;
2. «Симфония на послания апостола Павла»;
3. «Симфония на псалмы»;
4. «Четьи-Минеи» круглый год;
5. «Библия» Московской печати;
6. «Толкования на Новый Завет» Авраама Коловия;

7. Дионисия Ареопагита «О чинах ангелов Божиих»;
8. Дионисия Ареопагита «О таинственном богословии»;
9. Иоанна Зонары монаха «На каноны святых апостолов и святых соборов вселенских и поместных изъяснения»;
10. «Лексикон трехязычный»;
11. «Градус стихотворческий»;
12. «Альвары» (104 экземпляра);
13. «Элементарии» (25 экземпляров);
14. География;
15. Все действия Цицероновы;
16. «Грамматика латинская» Герасима Шмидта;
17. Разговоры на четырех языках;
18. Проповедническая книга ангела «Остророг»;
19. «Оракулы Сибиллины»;
20. Корнелий «Непот»;
21. Овидия «Tristia»;
22. «Medula Theologiae» Филиппа Фридлиба;
23. Святого Иоанна Златоуста «О священстве»;
24. «Речи риторические» Николая Аванциана;
25. Авгерия Гисления «О делах и странах Турских»;
26. Рассуждения о состоянии Империи Германо-Римской;
27. Риторика рукописная.

Всего 136 книг.

К 1770 году число книг семинарской библиотеки значительно увеличилось. К этому году одних латинских книг имелось 304, русских – 26 названий. Кроме того, библиотека располагала 89 экземплярами латинских азбук, 106 Альварами (латинская начальная книга) и 116 экземплярами Элементарей [24, с.77].

В 1776 году Суздальская семинария пополнила свою библиотеку книгами, доставшимися ей после Преосвященного Геннадия – епископа

Суздальского. По смерти Геннадия, его библиотека была поделена между Московской академией и Суздальской семинарией. К сожалению, нет сведений относительно того, какие именно из книг Геннадия попали после этого раздела в Суздаль.

В 1777 году Преосвященный Тихон, желая облегчить труды учеников, которым после занятий богословией и философией приходилось списывать лекции, велел командировать кого-нибудь из учителей в Москву для покупки печатных философий Баумейстера и богословий Ф. Прокоповича. В силу этого распоряжения был послан в Москву Михаил Новосельский, который в счет данных ему 30 рублей купил 2 тома Баумейстера в четырех экземплярах, пятый том Ф. Прокоповича в четырех экземплярах и по одному экземпляру шестого и седьмого тома его же [28].

В 1785 году Суздальская семинария получила крупный дар от Московского Дружеского ученого общества, которое препроводило в семинарию разного рода «учебных и полезных книг» на 300 рублей с тем, чтобы некоторые из них были розданы бедным ученикам, а другие – по усмотрению даны в награду за успехи и поведение более отличившимся ученикам. Дар был настолько ценный и неожиданный, что епископ Тихон вначале не поверил его бескорыстию и в ответном письме благодарил Новикова за любезность, но просил не посылать книг в том случае, если за них придется платить деньги. Новиков успокоил Владыку и заявил, что «единственная уплата, которой Общество ожидает, есть только та, чтобы дар сей принес плоды, сходные с желанием нашим». О количестве присланных Обществом книг можно судить только потому, что один переплет их обошелся семинарии в 47 рублей 42 копейки [31, с.155].

К концу периода случаи приобретения семинарией книг являются все более и более частыми. Для этой цели командировался обычно кто-нибудь из наставников семинарии в Москву. Командированному выдавались соответствующие прогоны и кормовые, рассчитанные, впрочем, по очень скромной таксе. Некоторые книги стали высылаться из Синодальной

типографии. За них семинария обязана была вносить из своих штатных сумм соответствующую плату.

3.3 Анализ воспитательной части в Суздальской духовной семинарии как составляющей учебного процесса

Крупным недостатком в воспитательной системе дореформенной школы был взгляд на учеников как на полноправных граждан, караемых за свои проступки, подобно взрослым, по всей строгости существовавших законов. Например, в 1771 году ученики Иван Медведев и Николай Лесновский 22 февраля были взяты в Суздальскую провинциальную канцелярию для следствия по корчемному делу. По окончании следствия ученики оказались оправданными. Тем не менее, при распределении казенного жалованья семинарское начальство назначило им следуемое денежное пособие из семинарских сумм лишь по 22 февраля – по день взятия их под стражу. При определении же денежной субсидии с 22 числа нашло возможным руководиться указом Императрицы Екатерины от 16 марта 1726 года, где говорилось: «штабских чинов людям, которые по делам, кроме писцов, содержатся будут под арестом, тем тогда на пропитание давать жалованья, равно как и воинским чинам, в полы их окладов до того времени, как они из-под ареста освободятся или на какую казнь и наказание осуждены будут». Начальники были не воспитателями, а командирами, требующими к себе должного уважения со стороны подчиненных и строго карающих их за провинности [24, с.79].

Формально-юридические отношения между начальствующими и учащимися не могли, конечно, содействовать выработке истинно-нравственных устоев, вследствие чего строй семинарской дореформенной жизни страдал крупными недочетами. Недочеты эти заметно сказывались и в тех мерах дисциплинарного воздействия, к каким прибегало начальство для

пресечения преступлений, и в характере ученических проступков, о которых нам сообщают только отрывочные сведения дела Суздальского архива.

Наиболее распространенным пороком дореформенной семинарии, с которым чаще всего приходилось считаться семинарскому начальству, являлось безмерное пьянство [30, с.112].

Плохой пример в этом отношении подавали начальствующие и учащие заведения. Пристрастие к вину губило лучшие педагогические силы Суздальской школы. Их примеру следовали ученики, отыскивая в вине забвение царящей кругом нищеты и сурового школьного режима. Соблазн, производимый начальствующими и учащими в этом отношении, был тем более силен, что они не старались даже прикрыть своих увлечений маской внешних благоприличий, а, наоборот, в состоянии невменяемости открывали целый ряд предосудительных проступков, при расследовании которых приходилось в конце концов обращаться к содействию высшей семинарской власти в лице епархиальных архиереев.

Но особенно тяжелыми последствиями отражалось на нравственности учеников влияние, идущее со стороны тех лиц, с которыми ученики соприкасались в их домашней внешкольной жизни. По недостатку денежных средств, ученикам приходилось ютиться в разного рода харчевнях, постоялых дворах, где соблазн разгульной нетрезвой жизни был слишком велик.

При таких условиях неудивительно, что трезвость не принадлежала к числу добродетелей, которыми были украшены ученики Суздальской семинарии. Это обстоятельство в свое время немало печалило предстоятелей Суздальской епархии, и они временами выступали с грозными указами, имевшими в виду ограничить господствовавшее пьянство. Особенно в этом отношении был настойчив Преосвященный Тихон.

«Особым указом предписать, распорядился он 24 января 1780 года, дабы наистрожайше учителя и ученики наблюдали, чтобы в питейные дома и в блинные избы не входили они и, как часто самолично я видел, у лавок, где

винная продажа имеется, яко то у Шершеневой, Лукиной и у прочих, никогда не останавливались и у них ничего не едали и не пивали, а потребное нужное брали бы на свои квартиры, и отнюдь бы по улицам и по другим домам не волочились, а шли бы только с квартиры прямо в школы и из школ прямо в квартиры свои. О чем учителя всякий день при распущении школы ученикам своим напоминали бы с крепчайшим угрожением».

Для ослабления зла Владыка рекомендовал учителям призвать себе в помощь лучших учеников и учредить из них особых фискалов, услугами которых не брезговала старая педагогия. «Да учредили бы с чеснейших учеников фискалов, дабы присматривали бы и верно бы о шалунах и бродягах и у лавок стоящих доносили учителям, а учителя бы неослабно истязывали и штрафовали».

Кроме сего епископ Тихон рекомендовал учителям строгий контроль и ревизию над денежными операциями учеников. «Особым указом предписать, чтобы чрез постоянного ученика испробовали учителя, особливо школ философии и риторики, нет ли за их учениками долгов по лавкам и харчевням и, где только винная продажа горячего и виноградных вин имеется и, если что проведуют, то о том и мне рапортом представили бы для рассмотрения».

Чрез два года Преосвященный Тихон нашел нужным повторить свои предостережения, воспользовавшись, как поводом, синодальным указом, в котором велено было священно-церковно-служителей обязать подписками, дабы они воздерживались от гнусной, подозрительной и пьянственной страсти.

Но все эти указы и подписки мало достигали своей цели. По крайней мере, в 1784 году епископу Тихону пришлось обратиться в семинарию опять с суровым предписанием.

«Послать из консистории, распорядился он, указ с предписанием, чтобы семинаристы по харчевням не волочились и у лавок купеческих не стояли бы, а когда кому что купить необходимо нужно, то, купив,

немедленно на квартиру шли бы и прилежали бы своему учению, на что как префекту, так и учителям, если имеются благонадежных учеников, не пьющих, смиренномудренных и честных, учредив фискалов, которые бы подавали им записки во всякое время, как скоро приметят бродяг, волочащихся со своими товарищами безвременно, и по оным заметкам штрафовали бы и в штрафную книгу записывали и оную книгу или тетрадь и ее присылали бы по третям года, а в случае не исправляющихся, дерзновенных учеников, о них особым рапортом представляли» [31, с. 154].

Не чужды были ученики Суздальской школы и другого грубого порока – воровства, каравшегося, впрочем, очень строго. В консисторском архиве о нем встречаются лишь краткие упоминания, но есть несколько случаев, когда благодаря осложнениям проступок этот давал повод к пространным волокитам, обрисовывающим пред нами внутренний быт тогдашней семинарии и характер тех дисциплинарных взысканий, посредством которых семинарское начальство старалось обуздывать порочные инстинкты своих учеников. Более интересным в этом отношении является «дело о покраже учеником школы синтаксимы Егором Юрьевским из чулана разных вещей» - дело, закончившееся очень трагично для мальчика, которого судили и наказывали не как ученика, а как взрослого, полноправного, ответственного за свои проступки гражданина [28].

1 мая 1769 года в духовную консисторию был подан рапорт от префекта семинарии профессора Семена Доброгорского. 18 апреля, доносил он, по приказанию Его Преосвященства, ученики были отпущены из семинарии по домам на праздник Святой Пасхи. Те из них, которые жили в бурсе, оставили свою одежду и ларцы с разного рода ученическими принадлежностями в семинарском чулане. Ларцы были заперты на замки. По приезде с пасхальных каникул ученики нашли в чулане полный разгром. Два ларца были разбиты; в остальных все перевернуто и перебито. При осмотре не оказалось следующих вещей: гребенки костяной, платка белого утирального, платка пестрого красного, медной пряжки, двух чернильниц

медных с трубкой и медной цепочкой, кошелька, шитого серебром и шелком, трубки перовой черной. По обнаружении такой кражи началось расследование. В виду того, что в пасхальные каникулы оставался в семинарии только один ученик синтаксисы Егор Юрьевский (16-летний) – сын бывшего попа Юрьевского Введенского монастыря Сидора, то его, прежде всего, и потребовали к допросу. По словам префекта, его допрашивали при учителях с угрозами наказания. Подозреваемый вначале запирался, а потом повинился во всем. В запертый чулан, по его собственным словам, он пробрался из другого чулана, выставив топором две доски. Все украденные вещи он хранил в поварне, откуда после признания и принес. Раскаяние Юрьевского было, по-видимому, настолько искренним, что он тут же повинился в других кражах, учиненных им раньше. А именно, он объявил, что незадолго пред тем украл из кельи ризничего иеромонаха Филарета пряжки, платок шелковый и зрительную трубку; что в Вербное воскресенье, подобрав к чулану магистра Матфея Миловского ключ, вошел туда в его отсутствие и оставался там некоторое время с огнем.

Благоприятным был для Юрьевского лишь Высочайший указ от 10 февраля 1763 года. Он гласил: «Ворам, которые с первых своих допросов во всем на них показываемом покажут справедливо, то таковым, е чиня не только пытки, ниже пристрастных расспросов, решить дело по закону».

30 июня 1769 года префект семинарии уведомил консисторию, что указ им получен, и исполнение по нему имеет быть чинено. После этого Юрьевский, подвергшись жестокой экзекуции в присутствии учеников на семинарском дворе, для покаяния посажен был на два месяца в уединенный семинарский чулан. Для наблюдения за ним приставили семинарского сторожа Александра Зернова.

Префект семинарии протопоп Семен Доброгорский, к которому явился Юрьевский, после краткого допроса отправил его в школу к товарищам. Товарищи нарисовали пред юным беглецом картину ожидающих его наказаний в таком мрачном свете, что Юрьевский, забыв невзгоды

странствования, задумал вторичный побег, который немедленно и осуществил.

На этот раз избран был уже другой маршрут. Беглец отправился в Ростов, из него – в Ярославль, а оттуда – в Юрьевец-Повольский. В Юрьевце, переночевав на постоялом дворе одну ночь, сел на судно с каким-то жителем Решемской слободы и поплыл по Волге. Своего спутника он обманул, уверив его, что направляется в Нижний для обучения в Нижегородской семинарии.

В консистории передали Юрьевского приставам под распискою, что они будут «крепкое смотрение и наблюдательство над ним иметь и, дабы он, сын Сидоров, не мог учинить утечки, содержать навсегда закованным в ножных железах, а к осторожности на ночь накладывать на него цепь, запирая оную на замок».

Начались опять допросы, пошли справки. Положение Юрьевского было теперь несравненно хуже, чем раньше, в мае. Теперь он являлся не только вором, но и бегуном, не отбывшим положенного наказания.

Консистория признала Е. Юрьевского к учению вовсе безнадежным и, как такового, подлежащим к исключению из числа церковно-служительских детей. Но дабы он, за учиненное воровство, так и бегство не оставался без надлежащего штрафования, в консистории постановили отослать его в Суздальскую провинциальную канцелярию при указе немедленно.

В канцелярии с малолетним преступником поступили по законам: секли плетью и отослали в военную службу.

Так трагически закончилась для Егора Юрьевского попытка завладеть несколькими малоценными предметами ученического обихода, хранившимися в семинарских ларцах.

Из других проступков, с которыми очень часто приходилось иметь дело начальству дореформенной семинарии, нужно указать на частые случаи манкирования со стороны учащихся своими уроками. Особенно повинны в этом отношении были архиерейские певчие, которые, пользуясь своим привилегированным положением, являлись в семинарию лишь изредка.

Любопытный и характерный материал в этом отношении дает дело, разбиравшееся в конце 1783 года.

За неисправное посещение лекций Преосвященный Тихон дал распоряжение ризничему высечь в присутствии учителя Алексея Володского учеников, состоявших певчими: Марка Смирнова, Григория Трагина и Федора Безсонова. По окончании экзекуции со слов Владыки передал Володскому распоряжение, чтобы тот рапортовал о последующем поведении наказанных ежемесячно [41, с.1011].

Вообще же за подобные проступки семинарское начальство наказывало легко. Иначе обстояло дело, когда ученики, уклоняясь от уроков, оставляли семинарию и бежали к родным или же в какие-нибудь далекие и неизвестные места, лишь бы только избыть книжного учения. Это так называемые бегуны. К их отысканию принимались самые решительные меры и, если только беглеца ловили, наказывали жестоко, «в страх другим». Но такие застрашивания оказывались не достаточными. Суровый дореформенный режим до такой степени действовал угнетающе, что призрак публичных истязаний бледнел перед заманчивой перспективой свободы и независимости, и всегда находились новые смельчаки, неудачно повторявшие опыты своих товарищей.

Дела о бегунах в консисторском архиве уменьшаются по мере приближения к последней четверти XVIII столетия, соответственно общему возвышению учебно-воспитательного дела. Но особенно много бегунов дала семинария в 1760-х и 1770-х годах, в период господства сурового режима и жестоких мер дисциплинарного воздействия [24, с.132].

Но бывало и иначе: сами бегуны заявляли желание поступить в военную службу, лишь бы только избыть ожидающих за побег телесных наказаний. 10 ноября 1769 года ученик синтаксимы Иван Семеновский бежал из семинарии. Начался тщательный розыск. Тогда Семеновский, убедившись, что ему не избежать публичного наказания розгами, явился в Суздальскую провинциальную канцелярию с просьбой о приеме его в рекруты. Просьба

Семеновского в провинциальной канцелярии была принята, и канцелярия потребовала от консистории уведомления, что означенный семинарист к определению в военную службу консисторией увольняется. Когда об этом услышал префект семинарии Семен Доброгорский, то разослал семинаристов по городу Суздалью с тем, чтобы они поймали беглеца и привели в семинарию. Поиски оказались удачными, и Семеновский был водворен на прежнее место. Приступили к разбору дела.

Но и привлечение к ответственности отцов за проступки детей не положило конца попыткам бегать от книжного учения. В октябре 1774 года ректор семинарии Соломон вступил в консисторию, например, с таким докладом: «из уволенных на вакации учеников, а именно, из школы инфимы – Николай Флауенский, Иван Заборский и поныне в семинарию не являются, також находящиеся в бегах от прошлых годов, а именно, ученики из школы синтаксимы – Петр Кузнецов, из школы грамматики – Ефим Низов, из школы аналогии – Иван Крылов, Василий Жарковский, Игнатий Сорокин, Дмитрий Марайский, Федор Телпин, Андрей Порецкий, Степан Попов, Козьма Гуляев, Андрей Чихачев, Александр Новский, Яков Козлов, Алексей Кандауров, Иван Волгин, Иван Ячменев, Алексей Слезкин, Николай Потехин, Иван Гарин, Николай Пенкин, Василий Петровский и поныне не сысканы. Для того благоволила бы консистория о сыску как не явившихся после вакации, так и находящихся в бегах учеников употребить средство» [28].

Только в 1780-х годах, когда в семинарии так или иначе дали почувствовать себя веяния Екатерининской эпохи с ее просветительными гуманными начинаниями, число бегунов значительно сократилось. Таковы главнейшие ученические погрешности, с которыми приходилось вести борьбу Суздальскому семинарскому начальству в дореформенной семинарии. В 1788 году Суздальская семинария объединилась с Владимирскою и Переславскою. Последние две были переведены в Суздаль

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данного исследования была выяснена значительная роль семинарии в жизни епархии, и ее тесном сотрудничестве с другими учебными заведениями.

Определен курс для современных семинарий с учетом сложившегося исторического опыта Суздальской духовной семинарии – это непрерывно развивающаяся не только духовная, но и образовательная структура, полностью открытая к созиданию, совершенствованию, осмыслению вызовов времени в рамках русской православной традиции.

Центром духовной жизни Суздальской семинарии была библиотека, которая, по словам Н.В. Малицкого, выступала лучшим подспорьем учебного и духовного процесса. В случае ее тщательного составления, трудно переоценить роль и значение просветительского влияния библиотеки на учащихся. К сожалению, приходится констатировать, что в Суздальской духовной семинарии дореформенного периода она не могла похвастаться большим количеством книг. Недостаточные штатные оклады давали возможность начальству семинарии в исключительных случаях, которые происходили далеко не каждый год, восполнять библиотеку семинарии новинками просветительской и духовной литературы. Книги, которые были приобретены ценой значительных усилий семинарии, были под особым контролем, за ними следили чрезвычайно усердно. Негативным явлением следует считать то, что было принято держать их дальше от семинаристов, чтобы снизить риск порчи. Заведовал библиотекой Суздальской семинарии всегда один из учителей.

Сравнивая библиотеки Суздальской духовной семинарии и библиотеку, например, Троицкой Лаврской духовной семинарии, отметим крайнюю ограниченность суздальского бюджета в XVIII веке, выделяемого на эти цели. Ограниченность фонда была такова, что родственники семинаристов не

имели другого выхода, кроме как покупать книги самостоятельно. Главным образом, фонд пополнялся за счет дарителей.

Детально проанализированная содержательная часть воспитательного процесса в семинарии позволил сделать вывод, что крупным недостатком в воспитательной системе дореформенной школы был взгляд на учеников как на полноправных граждан, караемых за свои проступки, подобно взрослым, по всей строгости существовавших законов.

Учителя Суздальской семинарии набирались из ее же питомцев, достигших высших классов. Впоследствии семинария для этой цели командировала своих лучших учеников в Славяно-греко-латинскую академию или Троице-Сергиеву школу.

Назначение учителей на места совершалось на основании резолюции Суздальских архиереев. Архиереи назначали и жалованье определяемым на учительскую службу. В награду за ревностное прохождение вверенной должности учителя были повышаемы из класса в класс, соответственно чему увеличивалось и жалованье. Нерачительные наказывались уменьшением денежного оклада и изгнанием со службы на какое-нибудь священническое место.

В обучении Суздальские учителя, как и учителя других семинарий, пользовались услугами и содействием со стороны старших и более успевших учеников, которым давались соответствовавшие звания: сеніоров, аудиторов.

Формально-юридические отношения между начальствующими и учащимися не могли, конечно, содействовать выработке истинно-нравственных устоев, вследствие чего строй семинарской дореформенной жизни страдал крупными недочетами. Недочеты эти заметно сказывались и в тех мерах дисциплинарного воздействия, к каким прибегало начальство для пресечения преступлений, и в характере ученических проступков, о которых нам сообщают только отрывочные сведения дела Суздальского архива.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Высочайше утвержденный проект устава духовных семинарий // ПСЗРИ. Собрание первое. – Т. XXXII. 26674. – СПб., 1830. – 1715 с.
2. Высочайше утвержденный устав духовных семинарий // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXII. 25674. – СПб., 1831. – 1611 с.
3. Высочайше утвержденный устав православных духовных семинарий // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XLII. Отделение первое. 44571. – СПб., 1871. – 911 с.
4. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода за 1905 – 1907 г. СПб., 1909. – 564 с.
5. Указ Святейшего Синода от 19 февраля 1761 года.
6. Указ Святейшего Синода от 6 мая 1788 года.
7. Указ Святейшего Синода от 30 декабря 1848.
8. Указ Святейшего Синода от 7 декабря 1867 года.
9. Указ Священного Синода Русской Православной Церкви от 9 апреля 1998 года.
10. Указ Священного Синода Русской Православной Церкви от 17 августа 2004 года. – журнал № 44.
11. Проект устава духовных училищ. Отдел 1, глава 1.
12. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 792. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 274.
13. Грамота преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту Киевскому. О невозбранении обучаться в Киевской академии русским, приходящим из других стран людям // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое. Т. IV. 1870. – СПб., 1830. – 474 с.
14. Журнал консистории, 1764 г., январь 18, №1.

15. Именной, данный Коллегии Экономии. Об отпуске суммы на содержание Псковской семинарии и на заведение школ в Полоцкой губернии // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XX. 14894. – СПб., 1830. – 1016 с.

16. Именной, данный Синоду. О усовершенствовании духовных училищ; о начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства. С приложением штатов духовных академий, семинарий, уездных и приходских училищ // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXX. 23122. – СПб., 1830. – 781 с.

17. Именной, объявленный из Монастырского Военному приказу. Об определении поповских и диаконских детей в греческие и латинские школы, о непосвящении в попы и диаконы тех, которые учиться в оных школах не пожелают, и о непринимании их ни в какие чины, кроме воинской службы // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. IV. 2186. – СПб., 1830. – 814 с.

18. Митрополит Филарет, «Слово в день обретения мощей святителя Алексия» (1837 год).

19. Новый закон о порядке допущения воспитанников семинарий в университеты // КЕВ. 1879. – № 7. Официальная часть. – 714 с.

20. О неписании в подушный оклад выбывших в духовный чин // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. – Т. II. 677. – СПб., 1907. – 882 с.

21. О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XVI. 12060. – СПб., 1830. – 729 с.

22. Регламент или устав Духовной коллегии // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. VI. 3718. – СПб., 1830. – 614 с.

23. Регламент или устав Духовной коллегии // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. VI. 3718. – СПб., 1830. – 874 с.

24. Роспись суммам, назначаемым в прибавку на содержание духовных училищ и на другие расходы, до духовного чина относящиеся //

ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XLIV. Ч. 2. Книга штатов. 18273. – СПб., 1830. – 359 с.

25. Уставы православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утверждённые 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. – СПб., 1908. – 303 с.

Литература:

26. Вяткин В.В. История Пермской епархии в XIX – XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения. Дис. ... канд. ист. Наук. – Пермь, 2016. – 154 с.

27. Гиндулянов П.В. Отделение церкви от государства: Полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров с разъяснениями отдела НКЮста РСФСР. – Москва, 1929. – 439 с.

28. Грамматин В.С. Материалы Владимирской Духовной семинарии. Аттестат №1023 В.С. Грамматина. 1854 г. // ГАВО, ф. 454, оп. 1, д. 509.

29. Дроздов Ф. Собрание мнений и отзывов. – Соч. в 3 т. Т. 2. – СПб., 2017. – 260 с.

30. Духовные школы Суздальской епархии // Суздальские епархиальные ведомости (далее –СЕВ). – 1894. – № 14. неофициальная часть. – 415 с.

31. Е.М. Петровичева Труды Н.В. Малицкого по истории Русской Православной Церкви. – Владимир, 2018. – 333 с.

32. Евлогий (Георгиевский) Путь моей жизни: Воспоминания. – М., 1994. – 388 с.

33. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. – СПб.: Научная литература, 2016. – 714 с.

34. Ляпунова Н.В. Эволюция профессионального церковного образования в России. Дис... д-ра ист. Наук. – М., 2018. – 158 с.

35. Налётова Н.Ю. Становление и развитие духовного образования на территории Смоленской епархии в XVIII – XIX веках. Дисс. ... канд. пед. Наук. – Смоленск, 2018. – 294 с.
36. Никитин И.С. Избранные произведения. – М., 1948. – 315 с.
37. Образцова М.Н. Государственно-церковные отношения в модернизационном процессе в России начала XX вв. Дисс. канд. ист. наук. / М.Н. Образцова. – М., 2018. – С. 127-128.
38. Помяловский Н. Г. Очерки бурсы– М., 1981. – 210 с.
39. Попова М.П. Краевед В.Г. Добронравов и его портрет работы художника Н.Н. Николаева // Владимир. Областная университетская научная библиотека имени Горького. – Владимир, 2017. – 219 с.
40. Рождественский А.И. «Жизнь человека» (воспоминание учителя средней школы о пережитом в дореволюционные и послереволюционные годы), глава первая и вторая 1892-1917.
41. Синодский. Об увольнении семинаристов в медицинскую академию, для обучения медицинским наукам, с аттестатами // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXII. 16500. – СПб., 1830. – 1034 с.
42. Титлинов Б.В. Молодежь и революция. – Л., 1925. – 290 с.
43. Торопов А.В. Церковно-исторические труды архиепископа Владимира (Алявдина). – Владимир, 2017. – 454 с.
44. Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России: Последняя четверть XIX в. – М., 1987. – 234 с.

Статьи

45. Адамов М.А. Становление и развитие духовных семинарий русской православной церкви начала XVIII начала XX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2017. – №7 (78). – С. 103-110.

46. Коскина В.Н. «Исправь в себе прегрешения». О педагогической системе отца Михаила Хераскова // Духовная литература. – 2018. – №6 (72). – С.310-315.

47. Сухова Н.Ю. «Наше мировоззрение должно быть евхаристично»: памяти архимандрита Киприана (Керна) // Филаретовский альманах. 2012. №8. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nashe-mirovozzrenie-dolzhno-byt-evharistichno-pamyati-arhimandrita-kipriana-kerna> (дата обращения: 10.06.2019).